

Хренов Н.А.

Пределы эскалации коммуникативных технологий: ностальгия по площади

Аннотация: В статье освещается вопрос о взаимоотношениях культуры и цивилизации, рассматриваемых сквозь призму развертывания коммуникативных процессов в истории. Острота этой проблемы осознается особенно в связи с функционированием во второй половине XX века телевидения, а в последние десятилетия интернета. Однако в это время лишь осознается то, что в реальной практике коммуникации существует со времен появления письменности. История массовой коммуникации связана с последовательным включением в культуру разных технологий, нередко выводящих коммуникативные процессы за пределы культуры. Технологии репрезентируют, прежде всего, установки цивилизации. Однако другой своей стороной массовая коммуникация обращена к культуре, которая в соответствии с утверждением И. Хейзинги, «рождается именно в личности и, следовательно, именно в личности сохраняет свое здоровье». Это несовпадение установок цивилизации и культуры в постановке проблемы личностного потенциала массовой коммуникации является, в конечном счете, решающим. Там, где массовая коммуникация выражает установки цивилизации, личность в коммуникативном процессе предстает объектом. Цивилизация заинтересована в расширении коммуникативного пространства и, следовательно, в подключении к коммуникации как можно большего количества людей. Массовая коммуникация призвана разрешать те проблемы, которые в истории цивилизации появляются в связи с возникновением массовых обществ и процессами омассовления культуры. Субъектом коммуникативных процессов личность предстает лишь в том случае, если технологии не выводят коммуникацию за пределы культуры, как это нередко происходит и о чем свидетельствует практика медиа, в том числе, кино, телевидения и интернета, а соотносятся с ее установками. Однако чтобы привести технологии в соответствие с установками культуры, необходимо время. Иногда критических оценок функционирования средств коммуникации, возникающих на основе мощных технологий, приходится ждать долго. До этого человечество нередко пребывает в эйфории от технических возможностей коммуникации. Такая постановка вопроса делает необходимым развертывание исторических исследований коммуникации, но отнюдь не в апологетическом понимании, как это нередко происходит.

Review: The author of the article touches upon the issue about the relation between culture and civilization that are being viewed in terms of development of communication processes throughout history. The importance of this problem is especially recognized due to the appearance of TV broadcast at the second half of the XXth century and the Internet over the last decade. However, the only provision being actually recognized is that in actual practice communication has been existing since the times of appearance of the written language. The history of mass communication relates to the successive involvement of different technologies in the cultural process. Quite often these technologies take communication processes beyond the borders of culture. Technology represents civilization preferences. However, the other side of mass communication addresses culture which, in accordance with Johan Huizinga's statement, 'is born in personality and therefore retains its health in personality'. This discordance between preferences of civilization and culture plays the decisive role in raising the problem about personal potential of mass communication. Where mass communication expresses preferences of civilization, personality plays the role of an object in the communication process. Civilization tends to expand the communication space and therefore to involve as many people as possible into the communication process. Mass communication is meant to solve the problems that usually arise in the history of civilization when mass societies appear and processes of massification of culture are started. Personality becomes an actor of communication processes only when technology answers the preferences of culture but does not take communication beyond the borders of culture as it often happens and what mass media such as cinematograph, TV broadcast and the Internet often demonstrates. Sometimes it takes too long for the critical evaluation of the new communication media created on the basis of advanced technologies to be formed. So the humanity is often too excited about the opportunities that the new mean of communication may offer. Such statement of the question makes it necessary to undertake further historical researches of communication but not in the apologetic meaning as it often happens.

Ключевые слова: глобализация, индивидуализация, омассовление, цивилизация, массовая коммуникация, массмедиа, книгопечатание, культура, письменность, кинематограф.

Keywords: globalization, individualization, massification, civilization, mass communication, mass media, book printing, culture, written language, cinematograph.

Часть первая.

1. Коммуникативный взрыв XX века как причина новых отношений между процессами индивидуализации и омассовления в культуре.

В последнее время в России важное значение региональной культурной политике. Позволим себе обратить внимание на то обстоятельство, что именно в регионах существуют такие способы коммуникации, которые под воздействием развертывающихся в XX веке процессов урбанизации, кажется, успели уйти в прошлое. Захлестнувшая мир на рубеже XIX-XX веков новая мощная волна глобализации в еще большей степени подчеркивает консерватизм и даже архаизм сохраняющихся на периферии способов коммуникации. В городской культуре, которая в истории давно уже стала лидировать, получили развитие те средства коммуникации, которые в большей степени отвечают потребностям массовых, точнее, если придерживаться терминологии Э. Тоффлера, индустриальных обществ. Такие потребности могут удовлетворять лишь средства массовой коммуникации. Чем большее количество потребителей контента они могут обслуживать, тем лучше. К началу XX века таких средств появилось так много, и они оказываются столь мощными, что, кажется, что именно они и являются культурой. В этой ситуации способы коммуникации, возникшие в традиционной культуре, а точнее, в культуре доиндустриальных обществ, оказываются на положении исчезающей Атлантиды. Между тем, в них имеется существенный, но пока невостребованный коммуникативный потенциал, о котором и хотелось бы сказать подробней.

Это имеющее место забвение традиционных средств коммуникации существует параллельно углубляющемуся разрыву человека с землей. Между тем, еще О. Шпенглер утверждал, что культура творится лишь в ситуации контакта с землей, а в городах она умирает. Что же касается городов, то именно городская культура по мере своего развития вызывает к жизни одно из значимых противоречий Нового времени. Город способствует разрыву

между культурой и цивилизацией. В возникающей в городах как организмах цивилизации, соответствующей духу индустриального общества, крестьянин воспринимается уже «пережитком былой культуры»¹. До возникновения индустриальных обществ (а время их возникновения обозначается как Новое время) культура была синонимом цивилизации. Технологии, возникающие в доиндустриальных обществах, впечатывались в культуру, оказываясь ее порождением. Иное дело – ситуация, складывающаяся в Новое время. Вместе с бурным развитием городов цивилизация отрывается от культуры, демонстрируя собственные ритмы и цели развития. Но обретая самостоятельное по отношению к культуре существование, цивилизация утрачивает и связь с личностью. Это можно проследить на примере истории коммуникации.

Собственно, сам город становится выражением духа цивилизации, о чем и писал О. Шпенглер. Однако чем очевидней становится триумф цивилизации, которому способствуют возникающие мощные технологии, тем неустрашимей оказывается ностальгия по традиционным каналам коммуникации, продолжающим сохраняться за пределами современных мегаполисов. Существует ли возможность по-настоящему оценить потенциал таких традиционных средств коммуникации, а также возродить их в современных условиях? Возродить, чтобы если и не снять порождаемые глобализацией противоречия, то хотя бы их смягчить. Ведь исчезновение традиционных способов коммуникации ведет к утрате национальных корней и, в конечном счете, размыванию идентичности личности, какой она до сих пор продолжала оставаться. Попытаемся остановиться на аспектах современной проблемной ситуации, свидетельствующих о том, что появление в истории каждого средства коммуникации связано с разрешением возникших в культуре на определенном этапе ее функционирования проблем, а главное, с процессами индивидуализации культуры. Но этот процесс, однако, не столь однозначен.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993., с. 540;

Вместе с разрешением одних проблем каждое новое средство коммуникации порождает новые проблемы, поскольку вводит в культуру массовые стихии, противостоящие процессам индивидуализации.

В начале ХХI века это противоречие не становится менее острым. Наоборот, развертывающаяся глобализация в еще большей степени обостряет противоположные тенденции – индивидуализации и массовизации в культуре. Попробуем проследить эту закономерность в истории. Появление каждого средства коммуникации является очередным шагом в разворачивании процессов глобализации. Но одновременно это прогрессивное развитие означает и некоторую утрату традиционных ценностей и, следовательно, традиционных средств коммуникации, которые до этого времени формировали и поддерживали идентичность, в том числе, индивидуальную идентичность. Для выражения духа таких традиционных, а если быть ближе к обсуждаемой в последнее время проблематике, региональных ценностей, мы используем понятие «площадь», ассоциирующееся после появления идей М. Бахтина именно с эпохами, предшествовавшими современной культуре с ее мощными электронными технологиями. Культуры, в которых площадь являлась самым массовым средством коммуникации, притягательны тем, что они представляли не опосредствованный, а непосредственный контакт собравшихся в одном пространстве людей. Ведь именно от этого признака коммуникации, возникшие в индустриальных обществах на основе электронных технологий, себя и освобождают. Если в последние столетия эти средства коммуникации получили столь гипертрофированное развитие, то это имеет и объяснение, и оправдание. Мир стремится к единству. Все исторические процессы глобализируются. Тем не менее, какие бы формы и ритмы глобализации не возникали, традиционные ценности и соответствующие им средства коммуникации свои притягательные для человека свойства продолжают сохранять. Необходимо лишь их осознать и понять их функции в культуре. Чем более культура насыщается возникающими на основе электронных технологий средствами коммуникации, тем более очевидным становится неустрашимость коммуникаций в локальных средах, столь эффективных в доиндустриальном обществе.

2. Культурологический аспект коммуникации: личность как субъект коммуникативных процессов.

Прежде всего обратим внимание на одно обстоятельство, которое, может быть, дополнит наблюдения и выводы, сопровождающие апологетическую историю массовой коммуникации (а другой просто не существует), а, может быть, и заставит на нее посмотреть с иной точки зрения. Оценивая вклад М.Бахтина в гуманитарные науки, Ю. Лотман констатировал гениальное прозрение ученого – гуманитария, своего современника так. По его мнению, гениальное прозрение М. Бахтина связано с коммуникацией, превращающейся в ХХ веке в одну из центральных, если не в центральную проблему². Правда, Ю. Лотман имел в виду ту разновидность коммуникации, которая является художественной. Однако сам Ю. Лотман в своих исследованиях выходил далеко за пределы литературы, в пространство культуры в целом.

В связи с этим обратим внимание также на то, что, оказывается, коммуникация как сфера культуры имеет свою длительную историю, соотносимую с историей утверждения индивидуального начала в культуре. Но эту истину открыли, как это не покажется странным, лишь в ХХ веке, а точнее, во второй его половине. Лишь в наше время было осознано, что, оказывается, у человечества кроме истории государства, истории общества и истории культуры есть еще история коммуникации, как и сопровождающая ее история изучения коммуникации, т.е. науки о ней³. Этим открытием наука во многом обязана весьма парадоксальному, но и проницательному теоретику М. Маклюену. На мысль, что история, кроме всего прочего, является еще и историей коммуникации, его навело возникновение одной из мощных систем коммуникации – телевидения. Правда, как известно, М. Маклюен увлекся, и у него получилось, что коммуникация поглотила все остальное – и общество, и государство, и культуру. С этим можно и не соглашаться, а вот то, что коммуникация имеет историю – это откры-

² Автономова Н. Открытая структура: Jakobson, Бахтин, Лотман, Гаспаров. М., 2009., с. 193;

³ Хренов Н. Теоретические вопросы истории функционирования и развития массовой коммуникации. В кн. : В зеркале критики. Из истории изучения художественных возможностей массовой коммуникации. М., 1985;

тие М. Маклюена, которое, к сожалению, до сих пор точкой отправления для появления последующих фундаментальных исторических трудов на эту тему не стало.

Из этой проблематики мы выделим лишь один аспект, связанный с отношениями между культурой и коммуникацией. Что из них является первичным, а что вторичным? Или коммуникация входит составной частью в культуру, или культура творится в коммуникативных процессах? В одной из весьма редких книг, посвященных проблеме коммуникации и выпущенных в последнее время, является книга социолога Н. Лумана «Реальность массмедиа», в которой можно обнаружить положения вроде «культура есть продукт системы массмедиа», «система массмедиа разрушает аутентичную культуру», «массмедиа как основание культуры» и, наконец, «без массмедиа культуру нельзя было бы распознать как таковую»⁴. Создается впечатление, что каждое из этих утверждений противоречит другим. Это все непрозрачные, почти загадочные выражения, которые нуждаются в комментариях.

Однако в любом случае есть возможность понять эту проблему, если попытаться на нее взглянуть с точки зрения личности, являющейся и субъектом коммуникации, и субъектом культуры. Конечно, на историю коммуникации можно смотреть с разных точек зрения, в том числе, и таких, когда личность, принимающая участие в коммуникации, может предстать объектом, а не субъектом. Однако нас будет интересовать лишь такой ракурс, который соотносим с личностью как субъектом коммуникативных процессов. Лишь в этом случае можно избежать подхода, в соответствии с которым история коммуникации оказывается исключительно апологетической историей. Как случилось, что, несмотря на появление мощных коммуникативных систем, призванных сблизить личность и культуру, мы в реальности наблюдаем то, что в свое время прогнозировал еще Ф. Ницше, а именно, распространяющееся внутри достигших высокого уровня цивилизаций варварство. Этот, казалось бы, странный прогноз, однако, подтверждается реальностью. Выясняется, что мощные технологические инновации, пересоздающие систему коммуникации, этому падению в варварство противостоять не могут. Так, Й. Хейзинга констатирует: «Сделавшая столь мощный скачок наука вместе со своей младшей сестрой, технологи-

ей, уже с XIX века претендует на то, чтобы их отождествляли с культурой. Но мы, к сожалению, знаем, что очень высокие формы научного развития могут сочетаться с ужасающим варварством»⁵. Если согласиться с такой точкой зрения, то следует внимательно осмыслить опыт коммуникативных технологий, а он явно неоднозначен.

3. На периферии апологетической истории коммуникации: способствовали ли средства коммуникации наращиванию личностного потенциала культуры?

Разумеется, развести коммуникацию и культуру невозможно. Но и утверждать, что между ними существует гармония, тоже не приходится. Кажется, что в наше время коммуникация далеко вышла за пределы культуры, выражая скорее дух цивилизации, чем дух культуры. То, что в истории их взаимоотношений гармония между культурой и коммуникацией является частным случаем, очевидно. Но такой ли вариант взаимоотношений между ними можно наблюдать сегодня? Конечно, например, телевидение – великое приобретение культуры, но сколько же негативных оценок сопровождает его функционирование. Можно даже утверждать, что сегодня их становится больше, чем на ранних этапах его функционирования. Конечно, интернет – замечательное явление культуры, но и он уже успел спровоцировать множество противоречивых суждений. Но, видимо, как мы уже отметили, каждое новое средство коммуникации входит в культуру, провоцируя конфликт. Прежде всего, конфликт с уже сложившимися в культуре традициями, а, следовательно, и с самой культурой.

Обратимся хотя бы к такому древнейшему средству коммуникации как письменность. Разве можно утверждать, что ее появление явилось для культуры разрушительным? Тем не менее, оно входило в сознание именно так. Чтобы отойти от апологетической истории коммуникации, попробуем найти в прошлом сторонников неапологетической истории коммуникации. Так, в одном из диалогов Платона на суждение изобретателя Тевта египетский царь Тамус отреагировал такими словами: «В души научившихся им они (письмена – Н. Х.) вселят забывчивость,

⁴ Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005., с. 134;

⁵ Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., с. 251;

так как будет лишена упражнения память; припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для обучения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых»⁶.

Это высказывание обязывает вспомнить знаменитый трактат Ж.-Ж. Руссо, написанный для Дижонской академии, объявившей в середине XVIII века конкурс на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов». Ответ Руссо мы знаем по его трактату, в названии которого сформулированный Академией вопрос уточнен. Сам автор назвал его так – «Способствовало ли развитие наук и искусств улучшению нравов, или же оно содействовало порче их?». Как известно, у Руссо ответ не получился оптимистическим. Это не помешало ему иметь широкий резонанс во всем мире. Может быть, появление книг М. Маклюэна о телевидении в 60-е годы XX века тоже спровоцировали аналогичное замешательство и имели такой же широкий резонанс в мире.

Наблюдая в XX веке появление нескольких мощных коммуникативных систем (кино, радио, телевидение, видео, интернет), мы, загипнотизированные таким технологическим прогрессом, можем, тем не менее, уже задаться вопросом, на который когда-то пришлось отвечать Руссо. Только этот вопрос мы поставим применительно не к наукам и искусствам, а к средствам массовой коммуникации, поставляющим и науку, и просвещение, и литературу, и искусство. Подхватывая мысль М. Маклюэна о возможности исторического изучения массовой коммуникации, мы коснемся предыстории тех мощных коммуникативных систем, которые сегодня во многом определяют наш образ жизни.

Когда К. Леви – Строс пытается коснуться вопроса, связанного с отношениями между коммуникацией и культурой, он тоже обращается к более традиционным способам коммуникации, в частности, к той же письменности, по поводу которой высказываются в диалоге Платона. Для К. Леви – Строса письменность уже поставила человечество перед теми же проблемами, с которыми мир стол-

кнется в последующую эпоху. Но подобная логика в истории коммуникации, спровоцированная Руссо и подхваченная Леви-Стросом, возвращает к способам коммуникации, существовавшим в традиционных обществах и обычно изучаемых исключительно в границах культурной антропологии. В частности, Леви-Строс вернется к письменности и так же, как это имело место в диалоге Платона, обратит внимание на негативные последствия ее функционирования.

Как бы подхватывая мысль Платона, Леви-Строс прямо говорит о коммуникации в формах письменности как о неподлинной коммуникации, противопоставляя ее коммуникации подлинной. Подлинной же коммуникацией для Леви-Строса является, как комментирует Ж. Деррида, заимствованный у Руссо образ сообщества говорящих, в котором отдельные индивиды в состоянии слышать и понимать друг друга. Лишь в такой коммуникативной ситуации возможен диалог, отсутствие которого превращает любую коммуникацию в неподлинную. Может быть, поэтому письменностью не пользовались ни Сократ, ни Христос. Критерием подлинной коммуникации для Леви-Строса является отношение «соседства» в малых сообществах, где «каждый знает каждого»⁷.

Принесение в жертву характерных для локальных сообществ традиционных средств коммуникации, с чем связана последующая история коммуникации, явно не разрешило проблем, возникших уже с появлением письменности. Вот как К. Леви-Строс описывает неподлинность коммуникации с помощью письменности. «Наши взаимоотношения с другими людьми – пишет он – носят теперь не более как случайный и отрывочный характер, поскольку они основаны на глобальном опыте, а не на конкретном восприятии одного субъекта другим. Чаще всего они являются следствием косвенных реконструкций, осуществляемых на основе письменных источников. Мы связаны ныне с нашим прошлым не благодаря устной традиции, подразумевающей живой контакт с людьми – рассказчиками, жрецами, мудрецами или старцами, а на основе заполняющих библиотеки книг, из которых исследователи пытаются с такими трудностями извлечь все, что могло бы помочь восстановить личность их создателей. Что касается наших современников, то мы общаемся с их громадным большинством благо-

⁶ Платон. Сочинения в 3-х т., т. 2., 1970., с. 216;

⁷ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000., с. 286;

даря самым различным посредникам – письменным документам или административному аппарату, которые, разумеется, неизмеримо расширяют наши контакты, но в то же время придают им опосредованный характер. Именно он и стал символом выражения взаимоотношений между гражданином и властями. Мы не склонны к парадоксу и не собираемся давать отрицательную оценку колоссальному перевороту, наступающему в связи с изобретением письменности. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что, облагодетельствовав человечество, она одновременно отняла у него нечто существенно важное»⁸.

Таким образом, корень проблемы связан с разрушением непосредственного общения и с появлением в структуре коммуникации посредников. Это обстоятельство имеет много плюсов, в частности, увеличивает число вступающих в коммуникацию и безгранично расширяет пространство коммуникации. Эти закономерности как раз и будут способствовать глобализационным процессам. Но в то же время из этой коммуникации исчезает то, что воссоздать новые коммуникации уже неспособны, а именно интеракцию, на основе которой диалог и возможен. Хотя в возможностях новых коммуникативных систем имитировать интеракцию. Ведь эта самая интеракция личностные смыслы в коммуникативных процессах не стирает. К XX веку появилось уже множество разных медиа. Между тем, то, что коммуникация имеет историю, и она не исчерпывается историей медиа, возникающих на основе электронных технологий, было осознано лишь с появлением тех же электронных технологий.

Понять это запаздывание в открытии того, что медиа имеют историю, помогает Н. Луман. Но его суждения относятся уже к морфологическим особенностям медиа. Для него все виды медиа, связанные с машинным производством, а это книги, журналы, газеты, фотография, разнообразные продукты электронного копирования, вроде театральных представлений, выставок, концертов, фильмов, распространяющихся с помощью кассет и дисков, имеют один общий признак – отсутствие в них интеракции (т.е. взаимодействия между людьми в форме непосредственного контакта). Правда, как свидетельствует, например, практика телевидения, медиа научились интеракцию имитировать. Так, А. Вар-

танов свидетельствует о весьма эффективных попытках телевидения стимулировать обратную связь, т.е. эту самую интеракцию имитировать, когда зритель «во время просмотра передачи мог высказывать суждения о ней и, главное, о предмете, о котором идет речь»⁹. Этот прием исследователь высоко оценивает. «Это стало возможным – пишет он – лишь когда появилась интерактивная связь между телезрителем и телеведущим, когда с помощью телефона человек, находящийся дома возле своего приемника, смог отвечать на поставленные перед ним вопросы»¹⁰.

Но, несмотря на виртуозную имитацию приемов интеракции, телевидение все же оказывается неспособным разрешить проблемы и не отменяет отмеченного Н. Луманом признака. «Во всяком случае, – пишет Н. Луман – решающее значение имеет то, что между отправителем и адресатами не может состояться непосредственная интеракция. Интеракция исключена благодаря посредничеству техники, и это имеет далеко идущие последствия, которые дают возможность определить понятие «массмедиа»¹¹. Отсюда вытекают как позитивные, так и негативные последствия функционирования медиа.

Если при определении медиа исходить из отсутствия интеракции, то историю медиа, вслед за Маклюеном, приходится сильно передвигать в прошлое и, в частности, начинать ее с возникновения письменности, что и демонстрирует сам Н. Луман. Он пишет: «Вместе с письменностью начинается и телекоммуникация, коммуникативное предоставление того, что отсутствует в данном пространстве и времени»¹². Почему телекоммуникация начинается с возникновения письменности? Да потому, что в ней знаки заменяют вещи, и их можно перебрасывать в какие – угодно пространства. Эти знаки можно воспринять не только в другом пространстве, но и в другом времени. В этом случае в медиа появляются новые нюансы, связанные с возможностью манипулирования сознанием людей. Но это означает утрату субъективного начала коммуникации.

Расширяя пространство коммуникации, технологии жертвуют той позицией личности,

⁸ *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983., с. 325;

⁹ *Вартанов А.* Развитие киноязыка: от прямого эфира к интерактиву. В кн.: Средства массовой коммуникации в художественной культуре России XX века., т. 3. Телевидение на рубеже веков (1980-2001 годы)., М., 2002., с. 129;

¹⁰ *Вартанов А.* Указ. соч., с. 129;

¹¹ *Луман Н.* Реальность массмедиа., М., 2005., с. 10;

¹² *Луман Н.* Медиа коммуникации., М., 2005., с. 82;

когда она предстает субъектом, а не объектом. Тогда коммуникация способна разворачиваться в интересах уже не личности. Поэтому вопрос об интеракции приобретает не только коммуникативный, но и социальный смысл. Его обсуждает Ж. Деррида, обращаясь к текстам Руссо и Леви-Строса. Речь у Ж. Деррида идет об оппозиции подлинности и неподлинности. Так, философ напоминает, что у Руссо подлинность предполагает образ сообщества говорящих, в котором люди в состоянии слышать друг друга¹³. Иначе говоря, подлинность достигается лишь при наличии интеракции. Этот идеал коммуникации как подлинной коммуникации повторяет и Леви-Строс. Прочитанное суждение Леви-Строса можно считать формулой медиа, в том числе, и современных. Ж. Деррида показывает, что идею подлинности традиционных традиционных способов коммуникации Леви-Строс заимствует у Руссо, пытавшегося показать, что в письменности заинтересована не только личность, а прежде всего власть. Или точнее: этим видом медиа воспользовалась власть.

Лишившаяся интеракции коммуникация в современном обществе стала основой манипуляции, все более нарастающей в современной политической машине. Уже Руссо приходил к выводу, что рассредоточение соседства и отсутствие интеракции становятся условием угнетения и произвола власти («Итак, я говорю, что любой язык, который не слышен собравшемуся народу, – это рабский язык: невозможно, чтобы народ, говорящий на этом языке, был свободным»¹⁴). Переноса эту формулу на современное общество, можно ее уточнить: благодаря медиа и при их участии общество обретает свободу. Но в то же время не без участия медиа оно способно ее лишиться.

4. От письменности к печатной книге: чем жертвует культура с момента изобретения Гутенберга?

Если появление письменности в культуре нельзя оценивать однозначно, если она кроме позитивных последствий имеет и негативную сторону, то, может быть, изобретение Гутенберга позволяет эти негативные стороны смягчить и нейтрализовать? Казалось бы, можно ли сказать что-то отрицательное об этом средстве коммуникации. Это ли не свидетельство разворачивания культурного, как и

личностного прогресса. Ведь даже Маклюен, утверждая, что телевидение стирает и уничтожает все те уровни культуры, что возникли как следствие технологии, вызванной к жизни Гутенбергом, отождествляет книгопечатание с культурой в целом. Для него печатная книга – одно из величайших завоеваний в истории духа, заметное продвижение в процессах индивидуализации. Для нас, разумеется, тоже. Печатная книга является просто олицетворением разворачивающегося культурного прогресса и культуры как таковой. Однако любопытно было бы все же напомнить о том, как в эпоху первоначального распространения печати она все же отторгалась. Предпочтение отдавалось рукописной книге. Несмотря на несомненное техническое превосходство, книгопечатание не могло сразу же вытеснить ручную переписку. Известная часть основных потребителей книг – дворянство, духовенство и даже гуманисты к печати относились скептически и еще длительное время отдавали предпочтение рукописной книге¹⁵.

Эту констатацию подтверждает и глубокий исследователь культуры Ренессанса Я. Буркхардт. «Книги писались тем красивым новоязычным почерком, – пишет он – один вид которого доставляет наслаждение; его зачатки можно заметить уже в XI-XII веке. Папа Николай V, Поджо, Джаноццо Манетти, Никколо Никколи и другие знаменитые ученые были от природы каллиграфами, они требовали красоты и ничего иного не терпели. Все остальное оформление рукописи, даже если в ней не было миниатюр, отличалось большим вкусом, особенно же лоренцианские кодексы с их легкими линейными орнаментами в качестве заставок и концовок. Если книги предназначались для очень знатных особ, они писались исключительно на пергаменте; переплеты в Ватикане и Урбино были красного бархата с серебряной оправой. При таком подходе, когда благородством оформления стремились внушить читателю благоговейный трепет перед содержанием книги, становится понятным, почему внезапно появившиеся в обращении печатные книги поначалу встречали сопротивление. Федерико Урбинский «постыдился бы» иметь печатную книгу в своей библиотеке»¹⁶.

Недоверие к печатной книге можно обнаружить даже у М. Монтеня. По его мнению,

¹⁵ Функе Ф. Книговедение. Исторический обзор книжного дела. М., 1982., с. 55;

¹⁶ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996., с. 176;

¹³ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000., с. 285;

¹⁴ Деррида Ж. Указ. соч., с. 288;

жизнь селения, в котором философ жил, дает больше пищи для ума, нежели то, что можно почерпнуть в книжной лавке. Распространение печатной книги и увеличение пишущих людей Монтень связывает с кризисом культуры. «Следовало бы иметь установленные законами меры воздействия, – пишет он – которые обуздывали бы бездарных и никчемных писак, как это делается в отношении праздношатающихся и тунеядцев. В этом случае наш народ прогнал бы взашей и меня и сотни других. Я не шучу. Страсть к бумагомаранию является, очевидно, признаком развращенности века. Писали ли мы когда-нибудь столько же до того, как начались наши беды? А римляне до того, как начался их закат?»¹⁷.

В самом деле, возникновение печатной книги – заметный шаг в процессах секуляризации культуры. Это особенно заметно на исчезновении в архитектуре в связи с появлением печатной книги ее сакральных функций. В романе «Собор парижской богоматери» В. Гюго посвятит вторжению печатного станка весьма значительное место. Он уже от себя, а не от имени своего персонажа – архидьякона – отца Клода (указавшего на печатную книгу и произнесшего «Вот это убьет то»¹⁸, а под этим «то» он имел в виду собор) попытается осознать, что дело даже не в будущем закате культовой архитектуры, а в кризисе церкви и религии вообще.

Тревогу М. Монтеня позднее, когда в России печать примет беспрецедентные масштабы, разделит критик цивилизации Л. Толстой. «Вникнув в процесс установления общественного мнения при теперешнем распространении печати, – пишет он – при котором читают и судят благодаря газетам о предметах газетные поденные работники, столь же мало способные судить о них, при таком распространении печати надо удивляться не ложным суждениям, укоренившимся в массах, а только тому, что встречаются еще иногда, хотя и очень редко, правильные суждения о предметах»¹⁹. Следующее суждение Л. Толстого заставляет вспомнить не только даже знаменитый трактат Руссо, сколько, пожалуй, проповедь Савонаролы. Распространение печати, согласно Л. Толстому, – свидетельство кризиса и культуры, и цивилизации. «Жду даже того, – пишет он –

что этот упадок общего уровня разумности будет становиться все больше и больше не только в искусстве, но и во всех областях: и в науке, и в политике, и в особенности в философии (Канта никто уже не знает, знают Ницше) – и дойдет до всеобщего краха падения той цивилизации, в которой мы живем, такого же, каково было падение египетской, вавилонской, греческой, римской цивилизации»²⁰.

Таким образом, негативные последствия функционирования письменности, улавливаемые еще Платоном, в результате распространения книгопечатания привели уже к «упадку общего уровня разумности». Ворчание М. Монтеня, вспоминаешь, листая бесформенные записи и заметки В. Розанова, объединенные названием «Уединенное». В этой, вышедшей в 1912 году книге В. Розанов обращает свою критику против «испортившего» литературу Гутенберга. Ведь, как считает философ, настоящая, истинная литература существует лишь в рукописном виде. «Как будто этот проклятый Гутенберг – пишет он – облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушались «в печати», потеряли лицо, характер. Мое «я» только в рукописях, да «я» и всякого писателя. Должно быть, по этой причине я питаю суеверный страх рвать письма, тетради (даже детские), рукописи – и ничего не рву; сохранил, до единого, все письма товарищей-гимназистов; с жадностью, за величиной вороха, рву только свое, с болью и лишь иногда»²¹.

Судя по тому, что это признание к любви к рукописным текстам в его книге повторяются, оно выражает вполне оформившуюся и устойчивую мысль, даже убеждение. Для В. Розанова литература в печатном виде утрачивает нечто существенное, приобретая нечто от техники. Как мы помним, нечто подобное применительно к письменности утверждается в диалоге Платона. «У нас литература так слилась с печатью, – пишет он – что мы совсем забываем, что она была до печати и, в сущности, вовсе не для опубликования. Литература родилась «про себя» (молча) и для себя; и уже потом стала печататься. Но это – одна техника»²². Как отсюда очевидно, В. Розанов породил отношение к печатной книге, имеющее место в среде гуманистов. Значит, эта уязвимость печати при всех ее достоинствах продолжает оставаться неустранимой.

¹⁷ Монтень М. Опыты., Книга 3., М., 1979., с. 152;

¹⁸ Гюго В. Собрание сочинений в 15 т., т. 2., М., 1953., с. 178;

¹⁹ Толстой Л. Собрание сочинений в 20 т., т. 18., М., 1965., с. 392;

²⁰ Толстой Л. Указ. соч., с. 393;

²¹ Розанов В. Уединенное. М., 1990., с. 24;

²² Розанов В. Указ. соч., с. 46;

С В. Розановым произошла парадоксальная вещь. Кого из русских философов можно сравнить с ним по тому месту, которое он занимает в прессе? Судя по всему, все его рассыпанные по разным газетам и журналам статьи и заметки все еще не собраны и не опубликованы. Их очень много. Значит, кто, как не Розанов ощутил то, что позднее в связи с функционированием телевидения назовут мозаичными структурами, происхождение которых уходит к ранним стадиям функционирования периодической печати. В его фрагментарных заметках получил выражение газетный стиль. И, собственно, В. Розановым он был и осознан. Так, обнаружив задолго до сочинений Маклюэна высказанную в прессе мысль о том, что периодическая печать убила книгу, В. Розанов уже фиксирует и то, что потом назовут мозаичным мышлением как следствием распространения газеты. В. Розанов фиксирует «скользящую смесь разнородных сведений о всем на свете и со всех концов света»²³. Проблему В. Розанов усматривает в том, что наплыв газетного чтения имеет своим следствием поверхностное чтение. Так, закономерность, отмеченная Платоном еще на заре письменности, продолжает беспокоить способные эту закономерность осознать выдающиеся умы.

5. От вербальной коммуникации к визуальной коммуникации: вторжение в культуру кинематографа.

С некоторого времени много говорят о телесности. В истории телесность, действительно, то уходит на дно культуры, как это имело место в средние века, то переживает эпоху ренессанса. Сегодня мы возрождаем отнюдь не средневековую традицию, хотя существует много поводов нашу эпоху отождествить с эпохой средневековой, что нередко и делается. Так, В. Куренной, пытаясь определить структуру функционирующих в современном обществе медиа, этой параллелью не пренебрегает. Утверждая, что медийное измерение изначально присуще человеку, он пишет, что уже в средние века оно приобретает ряд черт, которые можно распознать и в современной системе массовой коммуникации. Например, В. Куренной проводит параллель между образно-визуальными текстами, характерными для культовой архитектуры средних веков, с

²³ Розанов В. Сумерки просвещения. М., 1990., с. 100;

одной стороны, и голливудскими блокбастерами, с другой²⁴. Его мысль следует понимать так: преодолевая эпоху письменного и печатного слова, медиа вновь возвращаются к магии изображения. В самом деле, что такое средневековое зодчество, как не каменная книга человечества, только изложенная с помощью не вербального, а визуального языка?

Однако если иметь в виду телесность, то ее реабилитация, характерная для нашего времени, пожалуй, имеет свое начало все же в Ренессансе. Ведь именно Ренессанс реабилитирует идеи Эпикура о чувственном удовольствии. Не случайно ослабление религиозных чувств связывалось с распространением эпикуреизма и гедонизма. В XV веке в Италии появляются последователи Эпикура, называемые эпикурейцами. «Сочинения Эпикура были утрачены – пишет Я. Буркхардт – и уже позднейшая древность имела о его учении более или менее одностороннее представление, тем не менее, чтобы познакомиться с совершенно обезбоженным миром, довольствовались и тем образом эпикуреизма, который можно было почерпнуть из Лукреция и особенно из Цицерона»²⁵.

Однако хотя Ренессанс и реабилитировал телесность, но, если иметь в виду изобретение в эту эпоху Гутенберга, то ведь именно печатная книга во многом способствовала утрате телесных проявлений бытия. Телесный, видимый мир переводился в систему вербальных знаков. Таким образом, реабилитированный Ренессансом гедонизм оказался сдерживаемым изобретением Гутенберга. Именно в эпоху Ренессанса произошло заметное расщепление между средствами массовой коммуникации и средствами массового воздействия. Тот же Я. Буркхардт демонстрирует расцвет карнально-зрелищной стихии, связанной с площадью. Судьба площади, раскрепостившей мощный энергетический потенциал, будет решаться в больших длительностях истории. Несомненно, печать в этом столкновении победит. Изобретение Гутенберга зрительной и зрелищной культуре как значимой составляющей культуры вообще нанесло серьезный удар.

Этого не могли не заметить первые теоретики кино. «Изобретение искусства книгопечатания с течением времени сделало неразборчивыми черты человеческого лица, – писал Б. Балаш – Люди получили возможность чи-

²⁴ Куренной В. Медиа: средства в поисках целей. Отечественные записки. 2003., № 4., с. 10;

²⁵ Буркхардт Я. Указ. соч., с. 426;

тать столь многое на бумаге, что смогли пренебречь иной формой взаимного общения. У Виктора Гюго где-то сказано, что к печатной книге перешла роль средневекового собора, и что она сделалась носителем народного духа. Но тысячи книг раскололи единое лицо собора на тысячи толков. Слово раздробило камень. Таким образом, роль видимого перешла к тому, что воспринималось чтением, из культуры зрительной возникла культура умозрительная... Но с появлением книгопечатания установилась за словом роль главного моста в сношениях человека с человеком. В слове сконцентрировался интеллект. Тело лишилось его. Оно осталось пустым. Выразительная часть нашего тела свелась к лицу. И не только потому, что другие его части закрыты одеждой. Наше лицо является теперь как бы маленьким, беспомощным, вытянутым кверху семафором души; он сигнализирует нам, как умеет. Лишь иногда приходят на помощь руки, движения которых всегда полны меланхолии руин. Но ведь по спине греческого торса, лишённого головы, можно ясно видеть, – и видеть это можем еще и мы, – плакало ли исчезнувшее лицо или смеялось. Бедра Венеры улыбаются не менее выразительно, чем ее лицо, и не достаточно набросить покрывало на ее голову, чтобы нельзя было узнать, что она думает и чувствует. Человек был «видим» всем своим телом. Но с распространением словесной культуры душа (с тех пор, как ее стало так хорошо слышно) сделалась почти невидимой. Вот к чему привел печатный станок»²⁶.

Когда М. Маклюен касается книгопечатания, он фиксирует иной аспект. С его точки зрения, с появлением печатного станка возникает проблема, которая сегодня ассоциируется с открытиями З. Фрейда, а именно, с проблемой бессознательного. «Парадоксальный образ, – пишет он – первое столетие существования книгопечатания оказалось и первым столетием бессознательного»²⁷. И еще: «Бессознательное – прямое порождение печатной технологии, все возрастающая куча отходов отвергнутого сознания»²⁸. Почему же печатный станок приводит к расщеплению психики на сознание и бессознательное? Потому, отвечает М. Маклюен, что для бесписьменных обществ ничего неосознаваемого

не существует. Но когда возникает необходимость перевода бесписьменных культур на язык печатной книги, адекватного перевода все же не происходит. «Исследования Юнга и Фрейда суть не что иное, как изощренный перевод бесписьменного сознания в термины письменного, но, как и в любом переводе, в нем немало искажений и упущений»²⁹.

Таким образом, очевидно, что вместе с прогрессом в связи с печатным станком можно констатировать новую утрату того, что было существенным свойством культуры. А что же следующее средство массовой коммуникации – кинематограф? Ведь с его помощью удалось реабилитировать сферы бессознательного. Кино возвращает утрачиваемую в эпоху печатного станка телесность. «И вот фильма – пишет Б. Балаш – хочет вновь дать культуре решительный поворот. Многие миллионы людей просиживают каждый вечер и через зрительные органы приобщаются к судьбам человеческим, к характерам, чувствам и настроениям, не нуждаясь для этого в словах. Надписи, появившиеся еще на экране, отчасти – преходящие рудименты, отчасти они имеют специальное значение, но их роль во все не в усилении зрительных впечатлений. Ныне все человечество уже на пути к тому, чтобы вновь изучить забытый язык мин и жестов. Не замену слов, как у глухонемых, но зрительное соответствие непосредственно воплощенному интеллекту. Человек вновь становится видимым»³⁰.

Реабилитация визуального, включающего в себя и бессознательные, непередаваемые с помощью печати процессы психики, началась еще с появлением в XX веке фотографии, продолжившись в кино. «Если фонетический алфавит был техническим средством отделения устного слова от его звуковых и жестовых аспектов, то фотография и ее превращение в кино вернули в человеческую технологию регистрации опыта. Фактически фиксация остановленных человеческих поз с помощью фотографии направила на физическую и психическую позу больше внимания, чем когда бы то ни было раньше. Век фотографии, как никакая прежняя эпоха, стал эпохой жеста, мимики и танца»³¹.

Нововведения, связанные с упразднением в письменности интеракции, многократ-

²⁶ Балаш Б. Культура кино., Л., 1925., с. 12;

²⁷ Маклюен М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев., 2003.. с. 358;

²⁸ Маклюен М. Указ. соч., с. 359;

²⁹ Маклюен М. Указ. соч., с. 108;

³⁰ Балаш Б. Указ. соч., с. 13;

³¹ Маклюен М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003., с. 28;

но умножается с возникновением печатного станка и электронных технологий. Печатная книга упраздняет интеракцию, формируя то, что сегодня называют публикой. С этого времени публика перестает быть толпой и приобретает новую качественную форму. Трансформация толпы в публику по-настоящему происходит лишь в эпоху Ренессанса, когда возникает печатный станок. Эта революция была проанализирована еще Г. Тардом³². Таким образом, если исходить из интеракции как определяющего медиа признака, то можно отметить, что от истории медиа отделяются все коммуникации, что связаны с непосредственным взаимодействием людей в едином пространстве. В таком случае как можно их обозначить? В отечественной литературе отмеченные нами в культуре Ренессанса формы принято обозначать «средствами массового воздействия». В этом случае выделяются две функционирующие в обществе и предназначенные для массового потребителя системы: собственно средства массовой коммуникации и средства массового воздействия³³.

Конечно, странно было бы разводить средства массовой коммуникации и средства массового воздействия, как будто средства массовой коммуникации этого воздействия лишены. Наоборот, что как не средства массовой коммуникации столь эффективно воздействуют. Но смысл в таком разделении все же существует. Очевидно, что тесно связанные с ритуальными и религиозными формами средства массового воздействия имеют еще более длительную историю, чем средства массовой коммуникации. К ним относятся не только карнавал эпохи Ренессанса, но, например, все формы звуковой речи, пантомима, театр, спорт, цирк, фарс, мистерия, церковная служба и т.д. Особую проблему представляет отношение медиа к религии и использование церковью медиа для воздействия на массу. Кстати сказать, манипуляция общественным мнением с помощью средств массового воздействия бывает не менее эффективной, чем это имеет место в средствах массовой коммуникации. Может быть, даже и более сильной, если учесть возникающее

в результате сосредоточения многих людей в одном пространстве действие внушения³⁴.

Констатация различий между способами коммуникации, возможные на основе интеракции, и способами коммуникации, ее исключаящими, – весьма значимый момент не только в истории медиа, но и в истории культуры. Как мы убеждаемся, способы медиа, в которых интеракция отсутствует, оказываются бессильными упразднить виды медиа, которые вне этой интеракции не существуют. Более того, иногда некоторые виды медиа оказываются в кризисе именно потому, что в ситуации социального отчуждения средства массового воздействия приобретают компенсаторное значение. Они восстанавливают ту стихию социальности, которая в самом социуме становится дефицитом. Это обстоятельство оказалось предметом исследования в работах автора, посвященных социально-психологическим аспектам кино и театра³⁵. В них функционирование театра рассматривается в контексте медиа и предстает именно средством массового воздействия.

Эта проблема оказалась весьма острой в 60-е годы XX века, когда распространение телевидения привело к спаду посещаемости кино, но в то же время к росту посещаемости театра. Как разновидность медиа кино сохраняет гибридность функционирования. С одной стороны, оно представляет типичное средство массовой коммуникации, с другой, сохраняя коллективные формы восприятия, функционирует как средство массового воздействия. В ситуации распространения телевидения, а позднее – возникновения интернета оно постепенно сдает свои позиции как лидера в системе медиа. Может быть, единственное, что еще не способствует его полному угасанию, – это то, что в известном смысле оно остается. в том числе, и средством массового воздействия. Можно даже утверждать, что в наше время кризис кино есть в реальности не кризис собственно кино, а кризис того типа коллективной коммуникации зрителя с фильмом, который соответствует эпохе кинотеатров с большой вместимостью. С другой стороны, кризис кино, прежде всего как кризис коллективного типа зрелища и средства мас-

³² Тард Г. Публика и толпа. СПб., 1899;

³³ Волков А. Об актуальных проблемах средств массового воздействия (СМВ) и средств массовых коммуникаций (СМК). В кн. : Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. М., 1975., с. 12;

³⁴ Хренов Н. Зрелища в эпоху восстания масс. М., 2006., с. 50;

³⁵ Хренов Н. Социально – психологический аспект функционирования зрелищ в культуре города. В кн. : Театр как социологический феномен. СПб., 2009., с. 338;

сового воздействия не оказался нейтральным и для языка кино. Все-таки этот кризис кино как средства массового воздействия отложил печать и на кризис кино как вида искусства.

6. Кинематографическая коммуникация: прогресс или регресс в культуре?

Поскольку кинематограф реабилитирует то, что вместе с появлением печатной книги исчезает из культуры, то, может быть, наконец-то, коммуникация и культура оказываются в гармонических между собой отношениях? Ничуть не бывало. Кино тоже приходит в культуру с конфликтом. Это и в самом деле конфликт. И еще какой. Достаточно обратиться к одной из ранних статей К. Чуковского, специально посвященной раннему кино, чтобы этот конфликт ощутить. Там первые кинозрители представлены варварами. Кажется, что появление кино призвано иллюстрировать предсказание Ф. Ницше относительно будущего, в котором возникнет варварство нового типа – уже не потому, что тот или иной народ, достигший высокого уровня культуры, завоевывает другой народ, который еще не успел развить своей культуры, а потому, что внутри самой культуры, достигшей максимального уровня развития, возникнет регресс. Для Ф. Ницше в этом регрессе нет ничего удивительного, ведь с его точки зрения, «культура это лишь тонкая кожа поверх пылающего хаоса»³⁶. Следовательно, ее легко можно разрушить.

Разумеется, Ф. Ницше не может не видеть, как под воздействием науки, техники и коммуникации мир вроде бы изменяется к лучшему. Вот констатация им этих успехов. «Благодаря покорению природы – пишет Ф. Ницше – человечество в новом столетии, вероятно, приобрело уже намного больше сил, чем оно может израсходовать... Одно только воздухоплавание подрывает все наши культурные представления... Грядет эпоха архитектуры, когда вновь будут строить для вечности, подобно римлянам»³⁷. Для Ф. Ницше не является секретом то, что в будущем сфера рекреационных и развлекательных сфер расширится («... В будущем будут существовать, во-первых, бесчисленные заведения, в которые время от времени будут отправляться, чтобы подлечить свою душу; во-вторых, бес-

численные средства против скуки – в любое время можно будет услышать тещу и тому подобное; в-третьих, празднества, в которых множество отдельных изобретений будут соединены в общих целях этих празднеств»³⁸.

Однако при всех достижениях цивилизации и науки неизбежно возникает ситуация, когда культура погибнет от своих средств, а жизни грозит опасность усомниться в самой себе. Вот довольно мрачный прогноз Ф. Ницше на будущее: «Интерес к истине... будет падать: иллюзия, заблуждение, фантастика шаг за шагом завоюют свою прежнюю почву... ближайшим последствием этого явится крушение наук, обратное погружение в варварство; опять человечество должно будет сызнова начать ткать свою ткань... Но кто поручится, что оно всегда будет находить силы для этого?»³⁹. Этот прогноз Ф. Ницше удивительно соответствует практике телевидения, соответствующей духу разворачивающейся контрперестройки, т.е. нашим дням. Именно по некоторым телепередачам сегодня можно отслеживать отход от научного мировоззрения в сторону самых фантастических вымыслов, например, о происхождении жизни на земле, подаваемых как истинные.

Прогноз Ф. Ницше затем будет повторен И. Хейзингой. Правда, И. Хейзинга уже констатирует в реальности то, что Ф. Ницше усматривал лишь в будущем. Согласно И. Хейзинге, механизация и технизация жизни не исключают одичания человека. Более того, И. Хейзинга уже ставит вопрос о необходимости излечения культуры от нанесенного ей ущерба в результате распространяющейся технизации⁴⁰.

Кажется, что кинематограф преодолевает отчуждение, которое в культуру привносит сначала письменность, а потом и печатная книга. Но не тут-то было. Блистательный критик начала XX века К. Чуковский, которого мы больше знаем как выдающегося детского писателя, касаясь сюжетов в ранних фильмах, утверждал, что со стороны критики они заслуживают такого же пристального внимания, какое критика уделяет романам И. Тургенева и Н. Чернышевского⁴¹. Аргументируя этот тезис, критик уже улавливает то, что прогнозировал Ф. Ницше. Оказывается, кинематограф приблизил человечество к осознанию того,

³⁶ Ясперс К. Указ. соч.. с. 377;

³⁷ Ясперс К. Указ. соч.. с. 377;

⁴⁰ Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затерянный мир. СПб., 2010., с. 338;

⁴¹ Чуковский К. Нат Пинкертон и современная литература. М., 1910;

³⁶ Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философии. СПб., 2004., с. 337;

³⁷ Ясперс К. Указ. соч.. с. 377;

о существовании чего в XIX веке до Ф. Ницше не догадывались, а именно, варварство как внутреннее для цивилизации явление. Он открыл огромное число людей, отличающихся от тех, с которыми до сих пор имело дело искусство. Масса получает громадное удовольствие от сюжетов, в которых сумасшедшие едят мыло, сталкивают в воду женщину и пьют бензин, когда вместо шляпы на голову надевается кастрюля. Утрируя ситуацию, критик удивляется, почему у посетителей первых кинотеатров отсутствуют кольца в носу и раскрашенные перья вместо одежды.

Иначе говоря, критик уже фиксирует взрыв варварства, который стал очевидным с возникновением кино и о котором первым начал говорить Ф. Ницше, потом в начале XX века в России Н. Бердяев, а ныне в своих книгах наш философ Н. Мотрошилова⁴². Более того, когда намного позднее К. Чуковский включил свою работу о раннем кино в свое собрание сочинений, он свои выводы дополнил шокирующим наблюдением. «Теперь через столько лет умудренные горьким историческим опытом, – пишет он – мы, к сожалению, хорошо понимаем, что в тогдашнем тяготении мирового мещанства к кровавым бульварным сюжетам таились ранние предпосылки фашизма»⁴³. Но что такое фашизм, который, сознательно умертвляя тысячи людей в концлагерях, возвращал мир не только в Средневековье, но и в доисторию, как не взрыв варварства?

Тревогу по поводу воздействия кино били не только критики, но в особенности педагоги. Так, доказывая, что влияние кино становится сильнее, чем влияние книги, семьи и школы, В. Правдолюбов приходил к мысли, что кино становится «школой преступления»⁴⁴. Конечно, В. Правдолюбов преувеличивал негативное воздействие кино. Но почему до сих пор общество упорно продолжает возвращаться к подобной постановке вопроса? Недавно вышла книга К. Тарасова, в которой с опорой на проведенные исследования доказываемое, что в киноаудитории (имеется в виду молодежная аудитория), действительно, существует группа риска, подверженная негативному влиянию образов насилия в фильмах⁴⁵.

⁴² Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010;

⁴³ Чуковский К. Собрание сочинений в 6 т., т. 6., М., 1969., с. 149;

⁴⁴ Хренов Н. К проблеме социологии и психологии кино 20-х годов. Вопросы киноискусства. М., 1976., с. 172;

⁴⁵ Тарасов К. Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры. М., 2005., с. 203;

На 35 Международном Московском кинофестивале 2013 года был показан фильм «Акт убийства» режиссера Д. Оппенгеймера. Фильм воспроизводит изменения в политической истории Индонезии, когда в стране утвердилась власть генерала Сухарто. В результате новой политики начались массовые убийства иностранцев, коммунистов и те, кого подозревали в связях с коммунистами. Среди убийц оказалось много киноманов – поклонников американских гангстерских фильмов, которые, уничтожая неугодных лиц, подражали гангстерам – героям голливудских фильмов. Спустя много лет они, не раскаиваясь в содеянном, согласились сняться в фильме, реконструировавшем те уже ушедшие в прошлое события. Подражая голливудским звездам, они участвуют в воссоздании событий, по-прежнему веря в том, что их действия вовсе и не преступления, а героические деяния, которыми они гордятся. Как в связи с этим не вспомнить суждение М. Маклюена о том, что средства коммуникации высвобождают колоссальную новую силу и энергию, «сопоставимую с той, которая высвобождается при расщеплении ядра или термоядерном синтезе»⁴⁶. Только вот М. Маклюен не продолжил свою мысль, а это продолжение предполагает анализ того выброса асоциальных инстинктов, которые уже выходят за пределы коммуникации.

7. От телевидения к интернету: трансформация мозаичных признаков восприятия в структуры коммуникации.

Оказывается, что с конфликтом в культуру входит и телевидение, что произошло буквально на глазах ныне существующего поколения. Появление телевидения вообще воспринималось катастрофой. Прежде всего, бросалось в глаза то, что оно разрушает вселенную или, как выражался М. Маклюен, галактику Гутенберга, успевшую с XV века стать основанием всей культуры. Отметим, что к этому времени очевидные позитивные стороны книгопечатания успели совершенно затмить сопровождающий функционирование печатной книги ее негативный эффект. Давно уже стало очевидным, что печать оказалась не только выпадением из существующей культуры, но и самой культурой, которая, воспользовавшись новой технологией, заметно про-

⁴⁶ Маклюен М. Понимание медиа: внешние расширения человека., с. 58;

двинула процесс индивидуализации. Позднюю культуру невозможно представить без ее фундамента, и этим фундаментом является, конечно, печатный станок, хотя, как уже было отмечено, первоначально изобретение Гутенберга воспринималось вовсе не фундаментом, а, наоборот, его разрушением. Согласно этой точке зрения, именно ему, печатному станку, человечество обязано тем развитием личного начала, без которого культуры последних столетий просто не существует.

Печатная книга утвердила и высокий статус личности, и выражение этого статуса – автора. Именно печатный станок вызвал к жизни тот литературоцентризм, который, как некоторые полагают, определил основополагающие черты русской культуры. Эти поздние культурные образования телевидение устраняло, возвращая человечество к архаическим эпохам. Разумеется, это воспринималось как катастрофой. Ведь оно заметно нарушало равновесие между постоянной и, следовательно, подготовленной, т.е. постоянной и случайной публикой. Но увеличение случайной публики привело к регрессу культуры. М. Маклюен констатирует: «Наше время – это ранняя стадия эпохи, для которой печатная культура становится такой же чуждой по своему смыслу, какой рукописная культура была чужда восемнадцатому столетию»⁴⁷. Аргументируя свою мысль, М. Маклюен вспоминает мысль, высказанную в начале XX века итальянским футуристом Боччони – «Мы – первобытные люди новой культуры».

С некоторого времени человечество озадачивают последствия вторжения в культуру интернета. В связи с интернетом еще более уместно употреблять метафору М. Маклюена, отождествившим возникновение каждого коммуникативного средства с взрывом. Под таким взрывом М. Маклюен понимал «выброс человеческой энергии и даже агрессивного насилия». Подобный взрыв М. Маклюен фиксировал, когда письменность выводила человека из племенных сообществ, в которых имела место паутина родства и взаимозависимости. Но такой взрыв характерен и для более поздних средств коммуникации. В частности, возможных на основе электронных технологий. Правда, М. Маклюен признается: нам ничего неизвестно о последствиях высвобождения социальных и психологических энергий, свидетелями которых мы являемся. Так, имея

в виду коммуникацию на основе электронных технологий, упраздняющих индивидуализацию в культуре, М. Маклюен пишет: «Не будет ошибкой сказать, что интеграция людей, познавших индивидуализм и национализм, есть нечто иное, нежели распад «отсталых» и устных культур, только что столкнувшихся с индивидуализмом и национализмом. Это различие между атомной бомбой и водородной. Последняя намного разрушительнее»⁴⁸.

Позднее Н. Луман буквально повторит эту метафору М. Маклюена, обращая внимание на повышение взрывоопасных последствий коммуникации на электронной основе («... Последствия этого взрыва сегодня мы еще не способны оценить, однако уже возможно описать возникшие структуры нового»⁴⁹. Как полагает Н. Луман, взрывная сила новых коммуникативных технологий увеличивается в силу того, что общество, которое Н. Луман определяет тоже, исходя из коммуникативного фактора, становится все более зависимым от коммуникативных технологий.

С этой точки зрения важно было бы осознать эффект воздействия на культуру интернета, что науке еще предстоит сделать. Первое, что здесь бросается в глаза, – это невероятно возрастающий объем информации и, следовательно, необходимость увеличения времени на приобщение к ней. Но расширение и увеличение объема информации диктует принесение в жертву ее углубленное осмысление. Поток информации в интернете не допускает концентрацию внимания, необходимую для углубленного ее усвоения. Традиционное повествование оказывается уже невозможным в принципе.

Имея в виду этот эффект интернета, вернемся к весьма проницательному суждению, сделанному еще С. Булгаковым как раз в эпоху величайших технических изобретений, т.е. в начале XX века. Это суждение позволит понять, что дело не только в интернете. В нем лишь получает выражение то, что в культуре успело уже проявиться. «В современном человечестве не только у нас, но и на Западе, – пишет он – произошел какой-то выход из себя вовне, упразднение внутреннего человека, преобладание в жизни личности внешних впечатлений и внешних событий, главным образом политических и социальных. Отсюда такая потребность суеты, внешних впечатле-

⁴⁷ Маклюен М. Галактика Гутенберга, сотворение человека печатной культуры., с. 201;

⁴⁸ Маклюен М. Понимание медиа: внешние расширения человека., с.60;

⁴⁹ Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005., с. 135;

ний. Современный человек стремится жить, как бы не бывая дома наедине с собою: сознание заполнено, но достаточно приостановиться этому калейдоскопу внешних впечатлений, и можно видеть, как бедна или пуста его жизнь собственным содержанием»⁵⁰.

Поэтому можно утверждать, что совсем не интернет формирует новые структуры восприятия. Они рождаются в социуме. Интернет придает им лишь форму. Впрочем, С. Булгаков лишь продолжил размышлять над тем, что еще в XIX веке пронизательно диагностировал Ф. Ницше. «Газета заменила ежедневные молитвы, – пишет он – Железная дорога, телеграф. Централизация огромной массы разнообразных интересов в одной душе, которая при этих условиях должна отличаться большой силой и способностью к превращениям»⁵¹. Это наблюдение Ф. Ницше продолжил углублять. Он пишет: «... Количество разрозненных впечатлений больше чем когда-либо: космополитизм языков, литератур, газет, форм, вкусов, даже пейзажа. Темп этого потока – *prestissimo*; впечатления смывают одно другое; инстинктивно остерегаешься воспринимать что-либо, воспринимать глубоко, «переваривать» – отсюда как результат ослабление пищеварительной силы. Происходит известного рода приспособление к этому перегружению впечатлениями – человек отучается от активности, – все сводится к реагированию на внешние раздражения. Он расходует свою силу частью на усвоение, частью на самооборону, частью на борьбу. Глубокое ослабление самопроизвольности: историк, критик, аналитик, толкователь, наблюдатель, коллекционер, читатель – все «реактивные» таланты; все – наука!»⁵².

Позднее в своем интеллектуальном бестселлере О. Шпенглер лишь повторит то, что впервые было сформулировано Ф. Ницше. Так, касаясь характеристики того, что понимается под цивилизацией, О. Шпенглер в качестве признака цивилизации называет «нового читателя газет» и «образованца» (термин напоминает словарь А. Солженицына), который для него предстает «приверженцем культа духовной посредственности». Под последним он подразумевает любителя зланных мест, театра, спорта и злободневной

литературы. Этот тип личности О. Шпенглер находит на определенном этапе истории всех культур. И вот решающий признак этого психологического типа – замена внутреннего содержания внешним («Экспансивность всякой цивилизации, империалистический эрзац внутреннего, душевного пространства пространством внешним также характерным для нее: количество заменяет качество, углубление заменяется распространением»⁵³).

Эти первые пронизательные наблюдения позднее станут предметом внимания науки. Так, подобные радикальные изменения в культуре сделал предметом исследования А. Моль, сочинения которого у нас своевременно издавались. Он одним из первых использовал для выражения нового самоощущения человека специфический термин, который ныне становится ключевым. Это именно А. Моль впервые назвал приходящую на смену классической гуманитарной культуре культуру «мозаичной» культурой. В одной из своих книг он писал: «Аристотелевская система знаний, которая веками, вплоть до наступления технической эры, служила фундаментальной системой связи понятий в процессе обучения, в наше время не годится уже даже в качестве идеального образца»⁵⁴. Гуманитарная система представлений, столь реальная на протяжении веков, согласно А. Молю, устарела («Гуманитарная концепция устарела, во всяком случае, в той мере, в какой требуется, чтобы идеал имел корни в действительной жизни: при всем желании и при наличии необходимых материальных средств жить подлинной гуманитарной культурой сегодня уже никто не может»⁵⁵).

Подобная ситуация возникает в силу того, что отдельный человек уже не способен переработать всей суммы знаний, которой располагает человечество. Своим следствием это имеет то, что его мышление становится поверхностным. Поскольку школа придерживается системы гуманитарного знания, то она уже не способна закладывать в сознание системы, способные организовать мышление человека в последующей жизни. Получается, что воздействие того, что человек прочтет в газете и на афише, услышит по радио, увидит в кино или по телевидению, оказывается сильнее. В его сознании отсутствуют механиз-

⁵⁰ Булгаков С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997., с. 259;

⁵¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005., с. 63;

⁵² Ницше Ф. Указ. соч.. с. 65;

⁵³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993., с. 547;

⁵⁴ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973., с. 43;

⁵⁵ Моль А. Указ. соч., с. 38;

мы, способные организовать его знание. В его сознании сохраняются самые противоречивые идеи, которые по мере необходимости актуализируются.

И вот как А. Моль расширяет мозаичную структуру мышления современного человека. «В наше время фактура «экрана знаний» в корне иная; продолжая ту же аналогию, можно сказать, что он все больше становится похож на волокнистое образование или на войлок: знания складываются из разрозненных обрывков, связанных с простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования. Мы будем называть эту культуру «мозаичной», потому, что она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точки отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т.п.)»⁵⁶.

Столь распространенные в последнее время клиповые структуры, являясь выражением «мозаичной» культуры (и к этому термину прибегает также и Маклюен), уже опробованные телевидением, многое определяют в интернете. Потребитель интернета привык мгновенно переключаться с одного потока информации на другой. Человек утрачивает способность сосредоточения на чем-то одном. Под воздействием интернета проис-

ходит трансформация восприятия, реально-го при восприятии романа или фильма. Эта проблематика впервые в нашей литературе была углубленно рассмотрена Ю. Стракович в ее монографии о функционировании музыки в интернете⁵⁷. Однако это рассеивание внимания отмечал еще в XIX веке в связи с характеристикой периодической печати Н. Данилевский. Доказывая, что газета является «худшим проводником убеждений», он констатировал: «Разнообразие трактуемых ими (газетами – Н. Х.) предметов препятствует сосредоточению внимания, этому первому условию приобретения какого бы то ни было убеждения. Нынче говорится о восточном вопросе, завтра о люксембургском, послезавтра об улучшении быта духовенства, потом о системе общественного воспитания, об обрусении западного края, о судебной реформе, затем снова возвращаются к восточному вопросу и т.д., и т.д.»⁵⁸.

Следовательно, такое поверхностное скольжение по мозаике фактов является следствием кризиса гуманитарной культуры, истоки которой уходят в эпоху Ренессанса, а этот кризис в поле внимания философии попал еще в начале XX века, в частности, в философии Н. Бердяева. Эта мозаичность восприятия, а, следовательно, и мышления, становится очевидной и полностью осознаваемой в эпоху интернета, была вызвана к жизни, как уже отмечалось, совсем не интернетом. Интернет стал лишь средством выражения этого процесса, но средством выражения, позволившим, наконец-то, осознать значимые моменты современной культуры.

Продолжение следует.

Список литературы:

1. Автономова Н. Открытая структура: Якобсон, Бахтин, Лотман, Гаспаров. М., 2009;
2. Балаш Б. Культура кино. Л., 1925;
3. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996;
4. Булгаков С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997;
5. Варганов А. Развитие киноязыка: от прямого эфира к интерактиву. В кн. : Средства массовой коммуникации в художественной культуре России XX века. , т. 3. Телевидение на рубеже веков (1980-2001 годы)., М., 2002;

⁵⁶ Моль А. Указ. соч., с. 45;

⁵⁷ Стракович Ю. Музыкальная культура в цифровую эпоху. М., 2013;

⁵⁸ Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991., с. 282;

6. Волков А. Об актуальных проблемах средств массового воздействия (СМВ) и средств массовых коммуникаций (СМК). В кн. : Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. М., 1975;
7. Гюго В. Собрание сочинений в 16 т., т. 2., М., 1953.;
8. Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991;
9. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000;
10. Зиммель Г. Кризис культуры. В кн. : Зиммель. Избранное., т. 1. Философия культуры. М., 1996;
11. История русских медиа. 1989-2011;
12. Каннети Э. Масса и власть. М., 1997;
13. Куренной В. Медиа: средства в поисках целей. Отечественные записки. 2003., № 4;
14. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983;
15. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005;
16. Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005;
17. Мандельштам О. Собрание сочинений в 4-х т., т. 2., М., 1991;
18. Маклюен М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003;
19. Маклюен М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев., 2003;
20. Михалкович В. Кино и телевидение или о несходстве сходного. Киноведческие записки. 1996., № 30;
21. Монтень М. Опыты. Книга 3., М., 1979;
22. Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010;
23. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973;
24. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005;
25. Платон. Сочинения в 3-х т., т. 2., 1970;
26. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006;
27. Розанов В. Уединенное. М., 1990;
28. Розанов В. Сумерки просвещения. М., 1990;
29. Сафрански Р. Гофман. М., 2005;
30. Стракович Ю. Музыкальная культура в цифровую эпоху. М., 2013;
31. Тарасов К. Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры. М., 2005;
32. Тард Г. Публика и толпа. СПб;
33. Толстой Л. Собрание сочинений в 20 т., т. 18., М., 1965;
34. Токвиль де А. Демократия в Америке. М., 1992;
35. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999;
36. Третьяков С. Новый Лев Толстой. Новый Леф., 1927., № 1;
37. Функе Ф. Книговедение. Исторический обзор книжного дела. М., 1982;
38. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010;
39. Хренов Н. Теоретические вопросы истории функционирования и развития массовой коммуникации. В кн. : В зеркале критики. Из истории изучения художественных возможностей массовой коммуникации. М., 1985;
40. Хренов Н. Зрелища в эпоху восстания масс. М., 2006;
41. Хренов Н. Социально-психологический аспект функционирования зрелищ в культуре города. В кн. : Театр как социологический феномен. СПб., 2004;
42. Хренов Н. К проблеме социологии и психологии кино 20-х годов. Вопросы киноискусства. М., 1976;
43. Хухтамо Э. Элементы экранологии: к проблеме археологии медиа. В кн. : Экранная культура. Теоретические проблемы. СПб., 2012;
44. Чуковский К. Собрание сочинений в 6 т., т. 6., М., 1969;
45. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993;
46. Эрикссон Э. Детство и общество. СПб., 1996;
47. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004

References (transliteration):

1. Avtonomova N. Otkrytaya struktura: Yakobson, Bakhtin, Lotman, Gasparov. M., 2009;
2. Balash B. Kul'tura kino. L., 1925;
3. Burkkhardt Ya. Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniya. M., 1996;
4. Bulgakov S. Dva grada. Issledovaniya o prirode obshchestvennykh idealov. SPb., 1997;
5. Vartanov A. Razvitie kinoyazyka: ot pryamogo efira k interaktivu. V kn. : Sredstva massovoi kommunikatsii v khudozhestvennoi kul'ture Rossii KhKh veka. , t. 3. Televidenie na rubezhe vekov (1980-2001 gody)., M., 2002;
6. Volkov A. Ob aktual'nykh problemakh sredstv massovogo vozdeistviya (SMV) i sredstv massovykh kommunikatsii (SMK). V kn. : Predmet semiotiki. Teoreticheskie i prakticheskie problemy vzaimodeistviya sredstv massovykh kommunikatsii. M., 1975;
7. Gyugo V. Sobranie sochinenii v 16 t., t. 2., M., 1953.;
8. Danilevskii N. Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. M., 1991;
9. Derrida Zh. O grammatologii. M., 2000;
10. Zimmel' G. Krizis kul'tury. V kn. : Zimmel'. Izbrannoe., t. 1. Filosofiya kul'tury. M., 1996;
11. Istoriya russkikh media. 1989-2011;
12. Kanneti E. Massa i vlast'. M., 1997;
13. Kurennoi V. Media: sredstva v poiskakh tselei. Otechestvennye zapiski. 2003., № 4;
14. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. M., 1983;
15. Luman N. Real'nost' massmedia. M., 2005;
16. Luman N. Media kommunikatsii. M., 2005;
17. Mandel'shtam O. Sobranie sochinenii v 4-kh t., t. 2., M., 1991;
18. Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. M., 2003;
19. Maklyuen M. Galaktika Guttenberga. Sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury. Kiev., 2003;
20. Mikhalkovich V. Kino i televidenie ili o neskhodstve skhodnogo. Kinovedcheskie zapiski. 1996., № 30;
21. Monten' M. Opyty. Kniga 3., M., 1979;
22. Motroshilova N. Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu global'nykh krizisov. M., 2010;
23. Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury. M., 1973;
24. Nitsshe F. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostei. M., 2005;
25. Platon. Sochineniya v 3-kh t., t. 2., 1970;
26. Reingol'd G. Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya. M., 2006;
27. Rozanov V. Uedinennoe. M., 1990;
28. Rozanov V. Sumerki prosveshcheniya. M., 1990;
29. Safranski R. Gofman. M., 2005;
30. Strakovich Yu. Muzykal'naya kul'tura v tsifrovuyu epokhu. M., 2013;
31. Tarasov K. Nasilie v zerkale audiovizual'noi kul'tury. M., 2005;
32. Tard G. Publika i tolpa. SPb;
33. Tolstoi L. Sobranie sochinenii v 20 t., t. 18., M., 1965;
34. Tokvil' de A. Demokratiya v Amerike. M., 1992;
35. Toffler E. Tret'ya volna. M., 1999;
36. Tret'yakov S. Novyi Lev Tolstoi. Novyi Lef., 1927., № 1;
37. Funke F. Knigovedenie. Istoricheskii obzor knizhnogo dela. M., 1982;
38. Kheizinga I. Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyi mir. SPb., 2010;
39. Khrenov N. Teoreticheskie voprosy istorii funktsionirovaniya i razvitiya massovoi kommunikatsii. V kn. : V zerkale kritiki. Iz istorii izucheniya khudozhestvennykh vozmozhnostei massovoi kommunikatsii. M., 1985;
40. Khrenov N. Zrelishcha v epokhu vosstaniya mass. M., 2006;
41. Khrenov N. Sotsial'no-psikhologicheskii aspekt funktsionirovaniya zrelishch v kul'ture goroda. V kn. : Teatr kak sotsiologicheskii fenomen. SPb., 2004;
42. Khrenov N. K probleme sotsiologii i psikhologii kino 20-kh godov. Voprosy kinoiskusstva. M., 1976;

43. Khukhtamo E. Elementy ekranologii: k probleme arkheologii media. V kn. : Ekrannaya kul'tura. Teoreticheskie problemy. SPb., 2012;
44. Chukovskii K. Sobranie sochinenii v 6 t., t. 6., M., 1969;
45. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. M., 1993;
46. Erikson E. Detstvo i obshchestvo. SPb., 1996;
47. Yaspers K. Nitsshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya. SPb., 2004